

Юлия Фирсанова

ДЖОКЕРЫ, или ЭКСПОЗИЦИЯ

РОДИТЬСЯ НАДО БОГИНЕЙ
МЕСТЬ БОГИНИ
БУРЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ф62

Серия «Коллекция. Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Фирсанова, Юлия Алексеевна

Ф62 Джокеры, или Экспозиция: Родиться надо богиней. Мечь богини. Буря приключений: сборник / Юлия Фирсанова. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 960 с. — (Коллекция. Другие миры).

ISBN 978-5-17-156960-0

В одном далеком-далеком королевстве жил могущественный король, и были у него красивые, умные сыновья и прелестная, как роза, юная дочь... Правда, принцесса отличалась своевольным, стержневым характером и крайней самоуверенностью, а братья ее, скажем прямо, были, под стать сестрице, преизрядными сволочами. Но и такой бросовый товар Великий Творец и Силы умудряются использовать в своих играх с пользой для Мироздания. Как? Да это уж как придется...

P.S. Кстати, в этом романе нет ни одного положительного героя.

P.S.S. Блюстителем нравственности читать не рекомендуется.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156960-0

© Юлия Фирсанова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

РОДИТЬСЯ НАДО
БОГИНЕЙ

Кем будем завтра — мы не знаем.
Как повернется колесо?
По краю пропасти ступая,
Мы смотрим вечности в лицо.
Каким всевышним повеленьем
Нас снова ветер унесет
Дорогой верткой к обновленью
Сквозь вал проблем, несчастий лед...
Зачем преследует нас память
О том, что больше не вернешь?
Но нам нельзя ее оставить —
Домой без веры не дойдешь.
По лабиринту Мирозданья,
На ощупь выбирая путь,
Мы ищем, затаив дыханье,
Свою неведомую суть.

Ирина Елисеева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Детские игры

Глава 1

ЕЖОВЫЕ ПОЛОВИЦЫ

Небольшая и невзрачная, если бы не кокетливый белоснежный хохолок, черная птичка встречала рассвет летнего дня на узком карнизе прекрасного замка, стоящего на высокой скале. Внимательные, наполненные совершенно не птичьим интеллектом серые глазки скользили по неприступным крепостным стенам, утопающим в густом многоцветье знаменитых садов. О, в Садах всех миров Лоуленда были собраны удивительные, редчайшие и частенько опаснейшие растения из множества ближних и дальних уголков Вселенной. (Почему-то последнее свойство флоры то и дело совпадало с двумя первыми характеристиками.)

Странная птичка, не задерживая взгляда на пышных кущах, посмотрела ниже, туда, где к берегу моря сбегали террасы, на которых раскинулся большой город.

Заспанное солнце не спеша выбралось из-за горизонта, улыбнулось и бросило тяжелые гроздья янтаря в холодный свинец вод. Море на востоке начало переливаться всеми оттенками красного и золотого, пока не остановило свой выбор на глубоком синем цвете. Солнечные зайчики радостно запрыгали по поверхности воды.

Вспыхнули и засияли серебром стройные шпиль замка. Белоснежные стены замерцали всеми цветами радуги. Потoki света ринулись вниз, окрашивая в цвет утра и свежести особняки знати, дома, проспекты, улицы, парки, сады, порты. И казалось, само светило в это время приостановило свой путь по небу, чтобы полюбоваться на необычную кра-

соту столицы Лоуленда, величественного города Узла Мироздания.

Пичуге быстро наскучило созерцание местности, и, фальшиво чирикнув для поддержания пернатого имиджа, она осторожно перепорхнула поближе к окну королевской спальни. Притаилась и стала ждать.

В великолепной спальне размером со стадион средней величины на огромнейшей роскошной кровати класса «драконодром», занимающей большую часть комнаты, в окружении шести красоток мирно почивал король Лимбер. Абсолютный монарх Лоуленда, сильный красивый брюнет лет этак тридцати пяти на вид, то есть в самом расцвете сил, как говаривал незабвенный тип с мотором. Лицо его даже во сне хранило отпечаток суровой властности. Обнаженные дамочки, похожие между собой, словно клоны или цыплята из инкубатора, тоже безмятежно посапывали, прижавшись, кому хватило места, к мускулистому телу монарха.

Вот восходящее солнце робко заглянуло в покои сквозь щелку в тяжелой темно-синей портъере, поиграло с легким нежно-зеленым валсарским шелком занавесей. Его узкий лучик игриво прикоснулся к плечу короля, скользнул выше и отразился искрами в мгновенно распахнувшихся сине-зеленых глазах Лимбера. О, эти глаза не были глазами человека среднего возраста! Сразу становилось ясно, что мужчине не тридцать пять и даже не сорок лет, а гораздо, гораздо больше. Лишь тот, кто встречал рассветы не одного тысячелетия, мог смотреть на мир такими глубокими, старыми, как Вселенная, мудрыми, как тысяча змей, насквозь циничными, властными и горящими, как колдовское пламя, глазами.

Выпутавшись из цепких объятий дремлющих девиц, сладко потянувшись, так что заиграли тренированные мышцы длинных рук и широкой груди, его величество неторопливо сел, спустил ноги с кровати и... истошно приветствовал восход:

— Какая?!.. Чтоб!..

Корчась от боли и потирая окровавленную пятку, словно пронзенную разом полудюжиной спиц, король попытался отыскать источник неприятностей. В дорогом сине-зеленом изуарском ковре с густым ворсом, устилающем пол спальни, Лимбер обнаружил около десятка крупных карисских ежей с тонкими и острыми, как стилеты, иглами. Животные с перепугу свернулись в клубки, практически сливающиеся

по цвету с ковром, и теперь слабо подергивались, оглушенные ударной звуковой волной царственных воплей.

«Демоны Межуровня побрали бы выроdkов! — едва обретя способность соображать, ласково подумал король об ораве собственных драгоценных отпрысков и племянников. — Как только узнаю, кто подбросил тварей, спущу шкуру!»

Угрожающая мысль короля, умышленно направленная в пространство без привычной блокировки, была окрашена столь яркой эмоцией, что птичка без труда уловила ее и на всякий случай перепорхнула немного подальше, чтобы ее нельзя было разглядеть в щелку портьеры.

В том, что «пощутит» кто-то из младших членов семьи, монарх нисколько не сомневался. Во-первых, враг нанес бы удар наверняка, стараясь убить, а во-вторых, магическая защита королевского замка, не говоря уж о святой святых — спальне монарха, была такой, что никакой враг просто не смог бы сюда пробраться и провести подлую диверсию. А вот свои...

Время от времени кто-нибудь из детей Лимбера принимал подобные попытки «слегка пошалить» в тщетной надежде остаться неопознанным. Уже больно изобретательным магам хотелось опробовать свои силы на одном из самых могущественных богов Лоуланда и других миров, являвшемся по совместительству их отцом. Только последний факт и спасал остроумных принцев от крайне суровой расправы. Игра в «устрой ловушку» отлично тренировала изобретательность, магические навыки, навыки скрытности и еще с десятков необходимых для выживаемости и развития параметров. Потому принималась и негласно одобрялась даже самим Лимбером. Главным образом потому, что из этой игры он обыкновенно выходил победителем.

Ретивые же отпрыски получали затрещину, подзатыльник или, если вконец теряли берега, еще тяжелое пресс-папье в наглухую физиономию при вызове на ковер в королевский кабинет. И, разумеется, гору государственной работы по личной специализации, для того чтобы занять шаловливые ручки и пустую голову. Если же шутка удавалась, то наказания физического не следовало, зато объем работы умственной под лозунгом «Раз ты такой молодец, приложи силы на благо Родины!» возрастал в разы. В общем и целом Лимбер всегда был в выигрыше, как и подобает королю. Но сегодня кому-то удалось переиграть его с весьма болезненными для организма и монаршего самолюбия эффектами.

Пребывая из-за этого в мрачном настроении, Лимбер заковылял в гардеробную, пятная драгоценными каплями подсыхающей божественной крови ворс дорогущего, как и любой предмет обстановки, ковра. Мужчина неуклюже лавировал между многочисленным поголовьем ежей, пасущихся на спальном просторе.

Перепуганные любовницы, разом пробудившиеся от крика короля, ошалело глядели на повелителя с кровати, полуоткрыв от любопытства чудной формы пухлые губки и хлопая пустыми голубыми глазками, сквозь небесную синь которых ясно просвечивала стенка.

Ругаясь сквозь зубы как минимум на пятидесяти языках и выстраивая изощренные многоэтажные словесные конструкции (птичка аж замерла в восхищении), Лимбер дернул резную ручку первого попавшегося шкафа с одеждой. И тут же шархнул в сторону от полыхнувшей стены огня. Отпрыгнув от шкафа, его величество приземлился едва успевшей зажечь пяткой аккурат на очередной, весьма крупный экземпляр карисского ежика. Раздался еще один царственный вопль, полный уже не столько боли, сколько ярости и досады. Тем временем пламя погасло, не оставив на драгоценном черном дубе шкафа ни малейшего следа, чего нельзя было сказать о его содержимом.

Король, скрежетнув зубами от бешенства, обнаружил, что большая часть его гардероба, пошитого у лучших портных, обратилась в пепел. В остальных шкафах не нашлось ничего, кроме нескольких горстей вещества, годного для одобрения. Сработало цепное заклинание, искусно подвешенное за кончик на ручку двери, которую и открыл, на свою беду, утративший бдительность Лимбер, сочтя, что лимит пакостей на сегодня исчерпан.

Проклиная ту ночь, когда он зачал своего первого ребенка, мужчина направился в ванную, мимоходом рывкнув все еще пребывающим в ступоре рабыням:

— Вон!

Привыкшие к беспрекословному повиновению женщины исчезли из спальни, даже не подобрав разбросанных вечером одеяний. Испытывать на себе королевский гнев, чреватый если не отставкой и перепродажей, то уж точно отсутствием подарков, дамочкам не хотелось.

Игнорируя комфорт гигантской ванны, страдающей, как и кровать, манией величия в тяжелой форме, Лимбер смыл под сильной струей воды кровь с пятки заодно с весьма мерзким секретом желез карисского ежа, препятствующую

щим магическому заживлению ран. И только потом наложил двухкомпонентное заклинание заживления. Первая часть чар отвечала за ускорение и без того интенсивного процесса регенерации, вторая уничтожала все следы телесных жидкостей, успевших покинуть тело.

Через некоторое время малость посвежевший после душа, полностью исцеленный и даже причесавший густые иссиня-черные волосы король вернулся в спальню. Одет он был в широченный черно-зеленый махровый халат, найденный в ванной, — единственную вещь, избежавшую страшной смерти в пламени.

Его величество собирался учинить жестокую расправу над ежами, покусившимися на монарха!

Ничего не подозревающие о коварных замыслах звяряшки, деловито пыхтя, мирно топотали по комнате, засовывая любопытные носики во все щели. Мстительно усмехнувшись, король мановением руки телепортировал ежей за окно и, мечтательно прикрыв глаза, прислушался. Но кроме ожидаемых шлепков о плиты двора снизу раздался еще и негодующий сдавленный вопль.

Одним рывком отдернув тяжелую портьеру и с шумом распахнув правую створку большого окна, Лимбер вспугнул маленькую пичугу, сидевшую на подоконнике. Затрепетав крылышками, та поспешно вспорхнула с насиженного места и мгновенно скрылась из виду с возмущенным чириканьем.

Король уже не видел, что, круто спикировав, словно ас-авиатор, птичка влетела в приоткрытое окно двумя этажами ниже, отчаянно трепеща крылышками, кое-как выпуталась из тюля и обернулась в обнаженную сероглазую девчущку лет пятнадцати на вид и двенадцати по факту. Хулиганка рухнула в ближайшее глубокое кресло и довольно захихикала.

«О Силы, как удачно получилось! Рассчитывала разыграть только папочку, а перепало еще и надменному братцу Энтиору! И даже поглядеть на представление удалось! Спасибо лорду Эдмону за лекции по навыкам оборотничества!»

Во дворе под окнами королевских апартаментов бесновался высокий красавец-брюнет с хищным, точно выточенным из мрамора лицом. Он, сверкая ледяными бирюзовыми глазами и шипя от ярости, ожесточенно целил острыми каблуками высоких сапог в слегка оглушенных ежей, попутно потирая ушибленное и исколотое плечо. Иглы глубоко вонзились в тело даже сквозь охотничий костюм, сделанный из дорогой плотной кожи вивера. Слишком тонкая выделка

на сей раз пошла франту-владельцу во вред. Ежики, снабженные перед засылкой в королевскую спальню заклятием неуязвимости, не по-ежиному шустро уворачивались и разбегались.

Кидая испуганные взгляды на ярящегося Энтиора, бросали свои дела и поспешно испарялись со двора слуги и рабы, дабы не попасть под руку безжалостному принцу, крайне опасному и в лучшем своем расположении духа. Сейчас же великолепный бог готов был сорвать свой гнев на первом попавшемся существе.

На шестом этаже замка их величество, вдоволь налюбовавшись открывшейся его взору картиной, оглушительно заржал, забывая о собственных утренних огорчениях, и захлопнул окно, задернув портьеру. «Ох неспроста, кажется, птички летают! — подумал король, схватив за хвост метавшееся в голове подозрение. — Кто?»

В целях магической безопасности повторно пройдясь заклятием полной очистки по ковру в спальне, Лимбер прошел в малый кабинет. Он частенько работал там вечерами. Заказав завтрак, опустил в кресло. Король хоть и знал толк в гастрономических изысках, но предпочитал, подобно своему старшему сыну Кэлеру, простоту. Поэтому, запивая вином гигантские бутерброды из ломтей хлеба, сыра и ветчины, что было не слишком изысканно, зато сытно, Лимбер активировал наложенное на зеркало стандартное заклинание слежения.

Жертва ежей принялась скрупулезно осматривать покои любимых детишек, а заодно и племянников. Конечно, это было не совсем корректно и совсем даже не принято, но кто и что может запретить королю? В положении абсолютного монарха есть свои плюсы, а не только минусы, которыми частенько бывала забита голова его величества. Порой, оторвавшись наконец от кипы срочнейших документов на рабочем столе либо возвращаясь глубокой ночью с затянувшегося совещания или нудного приема, Лимбер задумывался: а надо ли ему все это? Но, раз до сих пор мстительно не отрекся в пользу кого-нибудь из особенно досадивших членов семьи, значит, ответ пока звучал утвердительно: «Надо».

Сейчас король был готов утробить на муторную проверку столько драгоценного монаршего времени, сколько понадобится, но поймать виновника утренних неприятностей. Государственные дела подождут, сначала воспитательные процедуры. Его величество неожиданно вспомнил, что он не

только правитель великого государства, но и отец изрядно распоясавшихся отпрысков. Вот только напоминание об этом было весьма болезненным!

Маленькая принцесса-хулиганка, подозревая о коварных планах отца, поправила тюль на окне, мигом юркнула в спальню, накинула на себя длинную ночную рубашку из нежных тончайших кружев и забралась в постель. Уютно свернувшись клубочком под мягким пушистым одеялом, она закрыла глаза и притворилась спящей, распространяя вокруг ауру счастливых сновидений.

Мурлыча про себя от удовольствия, словно кошка, Элия думала: «Будешь знать, папочка, как игнорировать собственную дочь! Уже целых пять дней не зашел даже пожелать прекрасного утра или поцеловать на ночь. А вчера, когда я заглянула к тебе в кабинет, попытался испепелить меня взглядом! И испепелил бы, небось, если б не боялся поджечь свои проклятые бумажки, которые тебе дороже дочери! Теперь попробуй найди виновного! Скорее Лоуленд утонет, чем найдешь!»

Девчушка мысленно показала отцу язык.

«А клыкастая сволочь Энтиор тоже получил по заслугам. Не будет воротить нос в моем присутствии! Можно подумать, его сестренка — форменная уродина, а не одна из прелестнейших девушек королевства! Нет, самая прелестная! Конечно, в последнее время он так не делал, но я не забыла, что было раньше. Месть приятнее есть холодной, как говорит братец Джей. Вот и получи! Зато теперь наш садист-красавчик знает новый танец — пляска с ежами!»

Принцесса хитро улыбнулась.

Минут за десять король успел выяснить, кто из его милых детишек находится в замке, где и чем занимается. Еще двадцать ушло на посещение мест пребывания многочисленных отпрысков семейного древа и щедрую раздачу зуботычин для профилактики даже тем, кто не делал ничего подозрительного. Оставив так ни в чем и не сознавшихся сыновей и племянников потирать синяки и сплевывать выбитые зубы, гадая, за какой именно из своих многочисленных проступков они получили этот небольшой нагоняй, Лимбер направился в покои дочери.

К счастью для неутомонных детей тяжелого на руку короля, они обладали столь потрясающей регенерацией, что через полчаса, приложив немного магических усилий, мог-

ли щеголять новенькими зубами естественного происхождения, без помощи стоматологии.

Рывком распахнув дверь, король ворвался в спальню принцессы. Элия встрепелась от стука двери о стену и, «сонно» моргая, высунула из-под одеяла милое личико.

Устремив на отца недоумевающий взор, она спросила:

— Что случилось, папочка? У нас наводнение или пожар? Пора спасти вещи?

Потом плутовка очаровательно улыбнулась, взмахнув длинными ресницами.

— Ни то ни другое, твои платья и книги в полной безопасности. Просто зашел пожелать дочурке прекрасного утра! — заявил король, огибая очередной пуфик, вставший у него на пути.

— Ты меня почти напугал и разбудил. Мне снился такой сладкий сон! — с легким разочарованием вздохнула девчушка, не уточняя, снился ли сон сегодня и сейчас и относится ли слово «почти» к слову «разбудил».

— Извини, — присев на кровать, «раскаялся» Лимбер без тени сожаления в голосе.

Откинув одеяло, он бесцеремонно вытащил дочку из постели и, усадив к себе на колени, нежно погладил по длинным, чуть вьющимся шелковистым волосам цвета светлого меда, рассыпавшимся по спине.

«А девочка-то почти совсем взрослая. И когда только успела вырасти?» — с легкой горечью подумал он, окидывая беглым взглядом опытного мужчины вполне сформировавшуюся, отнюдь не детскую фигуру единственной дочери.

Несмотря на огромную, соперничающую с бесконечностью продолжительность жизни, дети королевской семьи и знатных родов Лоуленда выросли быстро, во всяком случае физически. В тринадцать лет считалось вполне приличным выдать девушку замуж, пока она еще чиста, невинна и не испорчена циничными откровениями высшего света. С мальчиками закон обходился более великодушно — им позволялось жениться лишь с двадцати одного года, то есть с совершеннолетия. Впрочем, молодежь пользоваться брачным правом отнюдь не спешила, дорожа собственной свободой и радужными перспективами, открывающимися благодаря «взрослой» независимости.

Что же касается развития умственного и психического, то король в минуты гнева, изъясняя царственное негодование, частенько величал своих отпрысков, чей возраст перевалил за несколько сотен лет, а кое у кого и за тысячу,